

Глава 32. Он притворился спящим

Эта ночь была обречена стать бессонной. В любое другое время Чэ Жуйхэ уже давно бы дрых без задних ног до самого рассвета, но сейчас, когда внизу лежал человек, из-за которого на душе было так беспокойно, — какой уж тут сон?

Кровать в доме Чэ была огромной, места на ней хватило бы с избытком. Жуйхэ провел рукой по простыням рядом с собой — ткань оказалась на удивление холодной. Он спал здесь больше двадцати лет. Смутно припоминалось, что эта комната стала его собственной, когда ему исполнилось семь. Тогда он не плакал и не капризничал, как другие дети, — напротив, ему было весело. Кровать была такой большой, что как ни ложишься — хоть вдоль, хоть поперек, хоть раскинув руки и ноги — краев было не достать. Можно было не бояться, что упадешь во сне.

Но вот ему уже за двадцать, а кровать под рукой всё такая же пустая.

Чэ Жуйхэ лежал в темноте, широко открыв глаза. Лунный свет пробивался сквозь щели в шторах, заливая комнату призрачной синевой и создавая ощущение глубокого покоя. Но в сердце Жуйхэ покоя не было и в помине. Чем больше он думал, тем сильнее раздражался, ворочаясь с боку на бок. Время близилось к полуночи, и он всё-таки решил спуститься вниз.

В серебристом свете луны он осторожно, шаг за шагом, пошел по лестнице босиком.

Диван стоял спинкой к ступеням. Жуйхэ медленно приблизился и увидел макушку Цзянь Линя. В полумраке белел чистый лоб, угадывались глубокие глазницы; Цзянь Линь едва заметно подрагивал ресницами в такт спокойному дыханию.

Спит. Да еще как сладко.

Жуйхэ недовольно скривился. Он замер за спинкой дивана, не решаясь подойти ближе: боялся то ли разбудить, то ли того, что не сможет спокойно смотреть в лицо этому человеку.

Вглядываясь в черты Цзянь Линя, он поймал себя на мысли, что тот действительно чертовски хорош собой. Пожалуй, самый красивый мужчина, которого Жуйхэ встречал за всю свою жизнь — посимпатичнее иных кинозвезд будет.

В какой-то момент он осознал, что просто не может отвести взгляд. Жуйхэ сглотнул. «Сейчас глубокая ночь, все спят. Если я посмотрю на него чуть дольше — ведь в этом нет ничего зазорного, верно?»

Минуты бежали одна за другой, мерное тиканье часов отдавалось в ушах, и наконец Жуйхэ почувствовал, как накатывает усталость. Он осторожно подошел к дивану и потянул за край пледа, чтобы укрыть обнаженную шею Цзянь Линя, и случайно коснулся его кожи — та оказалась ледяной. В то же мгновение из темноты метнулась рука. Пальцы стальной хваткой

сомкнулись на запястье Жуйхэ и резко дернули на себя. Потеряв равновесие, Чэ Жуйхэ рухнул вниз.

Он вскрикнул, проваливаясь в мягкие подушки дивана, и тут же оказался в коконе чужого тепла. Цзянь Линь прижал его к себе, нависая сверху. В зыбком лунном свете он смотрел на него бездонным, пугающе ярким взглядом.

— Соскучился по мне? — голос прозвучал низко, проникая в самую душу.

Сердце Жуйхэ забилося с такой силой, какой он никогда прежде не ощущал. Он испуганно моргнул, не в силах поверить, что лицо мужчины находится так близко.

— Ты... ты не спал?

Цзянь Линь опустил голову, прижимаясь лицом к его шее; его дыхание, влажное и горячее, обжигало кожу.

— Я так тосковал по тебе, — прошептал он. — Как я мог уснуть?

Вдруг он снова поднял голову и нахмурился — должно быть, почувствовал ногами, какими ледяными были ступни Жуйхэ.

— Почему спустился босиком? На улице осень, пол холодный. Неужели сам не понимаешь?

— Я... — Жуйхэ не нашел что ответить. Он уперся ладонями в чужую грудь. — Дапусти ты меня сначала.

Цзянь Линь лишь подался вперед и едва коснулся губами уголка его рта, оставляя после себя жгучий след.

— Я согрею твои ноги.

От этих слов по телу Жуйхэ пробежала томительная дрожь. Ноги Цзянь Линя — горячие и сильные — собственнически переплелись с его собственными. Хватка была не слишком жесткой, но Жуйхэ оказался зажат так, что не мог пошевелить ни ногами, ни поясницей.

— Позволь мне остаться здесь жить. Хорошо?

Цзянь Линь сбросил эту «бомбу» прямо ему в губы, в самое интимное пространство. Жуйхэ вздрогнул всем телом и тут же отрезал:

— Исключено!

— Я умею готовить, умею вести хозяйство, могу согревать твою постель и радовать тебя. А еще я научу тебя решать любые проблемы в бизнесе... Тебе не нужен этот Су Я. Он мне не нравится, — взгляд Цзянь Линя стал еще темнее. — Ты сказал ему «спокойной ночи». А мне ты этого почти никогда не говоришь.

Так вот в чем была причина его вспышки гнева.

С того момента, как они познакомились, Цзянь Линь всегда казался воплощением мягкости и спокойствия. Возможно, это была лишь маска. Как бы то ни было, сегодня он дважды выходил из себя, и оба раза — из-за Су Я. Из-за человека, которого он толком и не знал.

Столь внезапное излияние чувств застало Жуйхэ врасплох.

— Су Я — лишь потенциальный партнер по бизнесу, — попытался объяснить Жуйхэ. — Между нами ничего нет, тебе правда не стоит так реагировать. К тому же он сын старого друга моего отца. Мы, можно сказать, старые знакомые.

— У меня предчувствие: он сблизился с тобой не просто так, — Цзянь Линь прищурился.

«Слушай, приятель, это ты сблизился со мной явно с какими-то целями, не так ли?» Жуйхэ хотел было закатить глаза, но Цзянь Линь смотрел на него так серьезно — словно приревновавший ребенок, над которым и подшучивать-то грешно.

— На данный момент он мне полезен, — продолжил Жуйхэ. — Я наводил о нем справки. Он умен, практичен, ведет дела четко и не склонен к интригам. С ним мне не нужно постоянно быть начеку. Так что сейчас в Ханьчэне он самый подходящий партнер.

— Я тоже умен. И я тоже практичен. Во всем, что ты перечислил, я на голову выше него, — ревность вспыхнула в Цзянь Лине с новой силой. Он, словно в наказание, слегка прикусил мочку уха Жуйхэ. — Почему ты не хочешь видеть партнером меня? Неужели ты думаешь, что я причиню тебе вред?

От этой ласки Жуйхэ бросило в жар. Если бы не ночная тьма, Цзянь Линь увидел бы, как кожа его собеседника — от лба до самых пяток — залилась пунцовой краской.

— Я не это имел в виду... Сяо... Сяо Линь, отпусти меня!

Ему было невыносимо чувствовать, как горячие губы мужчины снова и снова касаются его уха. Это пробуждало внутри странные, постыдные импульсы. Он изо всех сил упирался в грудь Цзянь Линя, пытаясь скатиться с дивана, но тот не давал ему ни малейшего шанса на бегство.

Цзянь Линь крепко обнял его, и в его глазах промелькнула тень обиды.

— Просто дай мне обнять тебя. Совсем недолго.

Воздух в комнате, казалось, застыл. Прошло пять секунд томительной тишины, прежде чем Цзянь Линь заговорил вновь — так тихо, что слова едва можно было разобрать:

— Прежде чем прийти в Студию Создания Мечты, я часто гадал: кто тебе нравится? Девушки или парни? Позже я понял, что вешать на человека ярлыки — глупо. Возможно, тебе не нравятся ни те, ни другие, просто ты еще не встретил того самого человека. Со мной было так же. До встречи с тобой мне было плевать на пол, никто не вызывал у меня симпатии. Я даже решил, что проживу всю жизнь один.

— А потом в мой мир ворвался твой голос. Твоя искренность, стойкость, то, как ты видишь прекрасное в жизни... Это полностью изменило меня. Постепенно я захотел стать таким же, как ты. Захотел так же легко принимать то, чего мне не хватает... будь то любовь близких или мечта.

Голос Цзянь Линя дрогнул, и сердце Жуйхэ болезненно сжалось. Они лежали, прижавшись друг к другу грудью, и чувствовали, как их сердца бьются в унисон, обмениваясь теплом.

— Помнишь день, когда ты впервые увидел меня? — прошептал Цзянь Линь ему на ухо. — Это была моя первая успешная попытка приблизиться к тебе. До этого я пробовал много раз, но в последний момент малодушно отступал. Я не хотел просто стоять в стороне и молча наблюдать за твоей жизнью. Я хотел ворваться в нее. Превратить «тебя» и «меня» в «нас». Понимаешь? Не смотри на меня как на монстра. Я просто люблю тебя. Как в той студии звукозаписи... я испугался твоего взгляда. Потому что в моих глазах, даже если однажды ты проснешься и окажешься совсем другим человеком, я всё равно буду любить тебя так же сильно. Я просто хочу, чтобы ты понял мои чувства.

Жуйхэ оцепенел. Он не знал, что сказать, и просто слушал, глядя в пустоту.

Это определенно был первый раз, когда Цзянь Линь говорил так много.

Что вообще сегодня происходит? Почему человек рядом с ним вдруг стал совсем другим? словно он сбросил маску и показал ту сторону своей души, о которой Жуйхэ и не подозревал.

А ведь чтобы сорвать с себя маску, нужно немалое мужество.

— Чэ Жуйхэ, я люблю тебя. Я влюбился в твой голос, когда только возвращался на родину, — глаза Цзянь Линя были темнее ночи, но в них бушевало пламя. — Спасибо тебе. Просто прими мою благодарность. Знаю, ты не понимаешь, к чему я это говорю, но тебе и не нужно понимать. Мне достаточно того, что ты чувствуешь мою любовь. Я уже счастлив.

В уголках глаз Цзянь Линя блеснули слезы, и он еще крепче прижал к себе Жуйхэ.

Он уже и не помнил, сколько раз конфликтовал с главой своей семьи. В тот день, когда он вернулся из Лондона, случилась их последняя и самая громкая ссора. Тогда дело дошло до крови и полного разрыва отношений.

Цзянь Линь всегда был рассудочным человеком. Он умел мастерски управлять своими эмоциями, его мысли всегда были четкими и упорядоченными, как схема на электронной плате. Разрыв с семьей не был спонтанным решением — всё к тому и шло. И хотя он носил их фамилию, за долгие годы одиночества он научился справляться с любой болью и любыми штормами сам. В глубине его естества жила независимая душа. Он не принадлежал ни одному клану. Цзянь Линь был сам по себе.

Именно поэтому те люди называли его куском льда, куском железа. Монстром, не знающим чувств.

Слыша такое, Цзянь Линь всегда хотел рассмеяться. Кто сделал его таким? Вернее сказать, кто бросил его, плачущего младенца, на произвол судьбы, позволив вырасти в то, чем он стал? Никто не учил его чувствам, не объяснял, как любить, как сострадать, как прощать.

Те мрачные времена остались в прошлом, и Цзянь Линь давно с ними примирился. Но та постановка, «Восемнадцать лет», была так полна боли и обвинений в адрес близких, что его заледеневшее сердце не выдержало. Словно на поверхность озера, скованного многолетней мерзлотой, внезапно упал луч теплого весеннего солнца. Поначалу лед не знал, как реагировать на это тепло, он не мог его принять, но со временем понял, что больше не может без него жить.

Лёд захотел слиться с этим светом. Захотел, чтобы в его холодном сердце круглый год плескались мягкие, живые волны.

<http://bllate.org/book/17503/1660028>